

ЧЕХОВСКИЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ}}$ 1910.

А. П. Чеховъ въ Таганрогѣ.

Можетъ-быть, то, что я помню объ А. П. — мелочи, но онѣ мнѣ дороги, какъ все, что имѣетъ хотя бы малѣйшее отношеніе къ этому чудесному писателю. Я самъ уроженецъ города Таганрога и въ раннемъ дѣтствѣ жилъ на той же улицѣ, на которой родился и выросъ А. П. Въ тѣ времена эта улица называлась Александровской, съ недавняго же времени (кажется, со дня смерти А. П.) она переименована въ Чеховскую. Это — широкая, прямая, обильно засаженная деревьями улица, однимъ концомъ выходящая къ морю, другимъ упирающаяся въ большую базарную площадь. Дома на этой улицѣ небольшие, все одноэтажные или полуторазэтажные, съ двумя-тремя окнами и парадной дверью по фасаду (очень распространенный въ Таганрогѣ типъ зданія); въ одномъ изъ такихъ домиковъ на Александровской улицѣ помѣщалась бакалейная лавочка Чеховыхъ. Мнѣ — шестилѣтнему мальчугану — частенько приходилось, по порученію моей матери, бѣгать въ эту лавочку за разными мелочами хозяйственной необходимости; лѣтомъ, въ каникулярное время, за прилавкомъ стоялъ гимназистъ, лѣтъ 14—15, здоровый, круглолицый мальчикъ, немного задумчивый, меланхолично отпускавшій покупателямъ товаръ. Это былъ А. П. Отпуская мнѣ крупу или сахаръ, онъ нерѣдко угощалъ меня пряниками, конфетами, благодаря чему у меня и осталось въ памяти его лицо и ломавшійся, слегка басившій голосъ. За эту склонность басить, какъ мнѣ потомъ рассказывали, сверстники-товарищи дразнили его, прерывая его рѣчь словами: „Антонъ, не басы“...

Когда мнѣ было всего восемь лѣтъ, обстоятельства сложились такъ, что мы всей семьей должны были выѣхать

изъ Таганрога. Вернулся я на родину приблизительно въ 1893—94 году; А. П. уже былъ тогда довольно извѣстнымъ писателемъ. Лавочка Чеховыхъ на Александровской улицѣ исчезла. Я уже зналъ тогда объ А. П., какъ о писателѣ, читалъ его рассказы и тогда уже отмѣтилъ странную связь между духовнымъ обликомъ автора и физиономіей Таганрога. Большинство рассказовъ А. П. проникнуто тѣмъ же настроеніемъ грусти, тоски, безвыходнаго томленія, какимъ вѣетъ отъ таганрогскихъ улицъ, скверовъ, садовъ, набережныхъ. Таганрогъ — совершенно мертвый городъ. Тихія, пустынные, совершенно безлюдныя улицы, засаженныя по обѣимъ сторонамъ мостовой деревьями въ два ряда — акаціями, тополями, липой, изъ-за которыхъ лѣтомъ не видно домовъ, безконечныя заборы, пустоши; тусклое газовое освѣщеніе по вечерамъ; отсутствіе движенія на улицахъ, торговаго оживленія, мелкій портъ, не позволяющій большимъ судамъ подходить близко къ Таганрогу, тихое, грязноватое море, уходящее лѣтомъ отъ береговъ на нѣсколько верстъ; пустынные, сонные бульвары у моря и надъ моремъ — и всюду тишина, мертвая, тупая, подавляющая тишина, отъ которой, какъ говоритъ А. П. въ одномъ изъ своихъ рассказовъ, хочется выбѣжать на улицу и закричать „караулъ“. Тихимъ очарованіемъ печали и одиночества, заброшенности, медленнаго примиреннаго умирающаго вѣетъ отъ безлюдныхъ широкихъ улицъ, заросшихъ деревьями, погруженныхъ въ дремотное безмолвіе; кажется, пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ — и буйно разросшія акаціи и бразильскіе тополя погребутъ подъ собой городъ, и на его мѣстѣ зашумитъ густой, непроходимый, дремущій лѣсъ. И даже весной, когда рѣзко, возбуждающе пахнутъ тополевыя почки, когда на всѣхъ улицахъ воздухъ такъ сильно насыщенъ запахомъ оттаявшаго, проснувшагося моря, что кажется, что оно совсѣмъ близко подошло къ городу и сейчасъ хлынетъ въ улицы; и затѣмъ, позднѣе, когда чуть ли не въ каждомъ дворѣ зацвѣтетъ сирень, выглядывая изъ-за заборовъ сплошными лиловыми шапками, распространяя нѣжный, горько-миндальный запахъ, когда на улицахъ зацвѣтетъ акація, отъ сладкаго одуряющаго аромата которой кружится голова, — даже въ эту пору весенняго цвѣтенія нельзя отдѣлаться отъ грусти, въ которой покоится этотъ умирающій городъ. Кажется, что бродишь по тихому кладбищу или по развалинамъ, заросшимъ зе-

ленью и цвѣтами... Чеховъ не могъ не родиться въ этомъ городѣ грустной тишины, тоскливой безнадежности; онъ не былъ бы Чеховымъ, можетъ-быть, если бы не родился въ Таганрогѣ.

А. П. очень любилъ Таганрогъ, и часто, уже будучи извѣстнымъ писателемъ, прїѣзжалъ въ родной городъ; я нерѣдко видѣлъ его блуждающимъ по безлюднымъ улицамъ. Ласковыми, грустными глазами смотрѣлъ онъ по сторонамъ, словно хотѣлъ сказать: милое знакомое и какое печальное, безнадежное... Прїѣзжая въ Таганрогъ, А. П. не оставался и здѣсь бездѣятельнымъ созерцателемъ: онъ бывалъ всюду, гдѣ только было замѣтно хоть какое-нибудь движеніе жизни: въ порту, на рейдѣ, въ ночлежкахъ, въ рыбацкихъ поселкахъ, на базарахъ, въ турецкихъ кофейняхъ,—всюду изучая бытъ, зорко ко всему присматриваясь и прислушиваясь, наблюдая и дѣлая въ записной книжкѣ безчисленныя замѣтки. Въ одинъ изъ его прїѣздовъ въ Таганрогъ мѣстные врачи избрали его почетнымъ членомъ общества таганрогскихъ врачей...

Въ послѣдній разъ я видѣлъ А. П., если не ошибаюсь, въ 1900 г. Гуляя въ городскомъ саду, я увидѣлъ за однимъ изъ столиковъ небольшое общество, состоявшее изъ знакомыхъ мнѣ лицъ, среди которыхъ было одно незнакомое. Поздоровавшись со всѣми, я протянулъ руку и ему, называя себя. Онъ скромно отрекомендовался:

— Чеховъ.

И посмотрѣлъ на меня сквозь свои очки; я невольно съежился, почувствовавъ, что этимъ короткимъ взглядомъ онъ охватилъ меня всего съ ногъ до головы; послѣ я замѣтилъ, что онъ смотрѣлъ такъ на всѣхъ, вѣроятно, отмѣчая въ памяти характерныя особенности каждаго, попадавшаго въ поле его зрѣнія лица...

А. П. выгладѣлъ тогда уже плохо, болѣзнь уже наложила свою печать на его лицо. Болѣзненная блѣдность, впавшіе глаза и щеки и усталое, грустное выраженіе глазъ—говорили о тяжеломъ недугѣ, подтачивавшемъ его организмъ. Въ тотъ вечеръ онъ говорилъ мало, начинавшійся нѣсколько разъ разговоръ о литературѣ заминалъ, нетерпѣливо пожимая плечами, какъ будто хотѣлъ сказать: „Бросьте, не стоитъ, надоѣло“... Посидѣлъ съ полчаса и ушелъ. А потомъ въ тотъ же вечеръ я видѣлъ его тамъ же, сидѣвшимъ за столомъ съ какимъ-то подозрительнаго вида

субъектомъ, оживленно разговаривавшимъ и не спускавшимъ съ своего собесѣдника зоркихъ, пронизательныхъ и все замѣчающихъ глазъ. Очевидно, въ лицѣ этого субъекта А. П. попался интересный „матеріаль“, и онъ ожилъ: въ немъ проснулся художникъ.

Черезъ нѣсколько дней мы провожали А. П. — онъ уѣзжалъ въ Ялту лѣчиться. На вокзалѣ А. П. былъ очень бодръ, оживленъ, много говорить, смѣялся. Кому-то изъ врачей шутя сказали:

— Литература — невыгодное занятіе. Вонъ у всѣхъ таганрогскихъ врачей есть свои дома, лошади, коляски, а у меня ничего нѣтъ. Брошу-ка я литературу, займусь медициной...

А глаза его тихо улыбались, и видно было по его улыбкѣ, что онъ литературу ни на какіе дома, коляски и лошади не промѣняетъ...

Поѣздъ тронулся, а Антонъ Павловичъ все стоялъ на площадкѣ и кланялся, и лицо его было уже серьезное, грустное, задумчивое...

Больше таганрогцы не видѣли своего великаго земляка...

Вл. Ленскій.

